

скими соблазнами, — между прочимъ, стало распространяться и городское платье, — все больше забываются деревенскіе обычаи; ими даже начинают пренебрегать, и напр., старая пѣсня забывается для городского трактирнаго романа и т. п. Еще новымъ обстоятельствомъ, которое разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на патриархальную старину, явилась всеобщая воинская повинность: въ прежнее время рекрутъ былъ отрѣзанный ломоть, онъ никогда не возвращался въ старую среду; теперь деревенскіе воители, вернувшись домой по отбытіи службы, приносятъ новыя понятія, привычки, и охладѣвая къ старинѣ, отъ которой были оторваны, распространяютъ свои вкусы, напр., свои солдатско-трактирныя пѣсни, которыя нравятся и идутъ въ ходъ. И здѣсь, въ Петербургѣ, можно наблюдать эту этнографическую метаморфозу на пришлыхъ рабочихъ-крестьянахъ, перенимающихъ трактирныя пѣсни; очевидцы рассказываютъ, что даже въ Малороссіи прекрасныя малорусскія пѣсни въ устахъ самихъ дѣвушекъ замѣняются модными велокорусскими пѣснями солдатскаго изобрѣтенія и стиля...

Наконецъ, должна была оказывать извѣстное вліяніе и школа. Тамъ, гдѣ ея питомцы дѣйствительно чему-нибудь выучивались (а въ этомъ нельзя сомнѣваться), у нихъ возникалъ новый интересъ — въ чтеніи, которое, какъ-бы ни приноровляли его къ „средѣ“, все-таки съ ней расходилось и направляло мысли въ другую сторону и — дальше отъ преданія. Новѣйшіе педагоги и писатели для народа очень желаютъ поддерживать преданіе у своихъ читателей въ народной школѣ, помѣщая въ школьныхъ хрестоматіяхъ древнія былины, — но едва ли сомнительно, что „Святогоръ“ и „Микула Селяниновичъ“ уже не пробудятъ эпического чувства тамъ, гдѣ оно вымерло, и останутся книжной сказкой. Напротивъ, гораздо сильнѣе будетъ дѣйствовать современная литература, гдѣ она, съ новымъ, нисколько не архаическимъ настроеніемъ, коснется предметовъ и чувствъ, близкихъ къ сельскому быту. Въ замѣчательной книгѣ: „Что читать народу“ собрано много любопытныхъ фактовъ, рисующихъ отношеніе читателей изъ народной школы къ нынѣшней литературѣ, и напр., отзывы этихъ читателей о „Запискахъ Охотника“ Тургенева даютъ чрезвычайно интересное предуказаніе о томъ, чѣмъ нѣкогда можетъ стать литература для народа. — Наконецъ, людямъ, близко стоящимъ къ литературѣ, извѣстно, что между подлиннымъ крестьянствомъ новаго поколѣнія появляются уже люди съ извѣстнымъ образованіемъ, напр. прошедшіе гимназическій курсъ, и не вышедшіе однако изъ крестьянства, которые